

Святослав Теофилович Рихтер
(1915-1997)

*О Рихтере
его словами*

СВЯТОСЛАВ
РИХТЕР

Валентина Чемберджи

Биографии Великих музыкантов

Издательство АСТ
Москва

УДК 786.2.071 Рихтер С.Т.

ББК 85.315.3

Ч-42

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательство АСТ».

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В оформлении обложки книги использованы материалы агентства Vostock Photo.

Издательство благодарит автора книги за предоставленные фотографии.

Чемберджи, Валентина Николаевна

Ч-42 О Рихтере его словами / В.Н. Чемберджи. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 351[1]+[16 вкл.] с.: ил. — (*Вечная музыка. Иллюстрированные биографии великих музыкантов*).

ISBN 978-5-17-101111-6

Святослав Рихтер — гениальный пианист, непревзойденный интерпретатор, художник, первый в СССР обладатель премии «Грэмми», он стал одним из самых известных российских музыкантов, целиком проживший со своей страной этот страшный и бурный XX век. Часто его сравнивают с мастерами-титанами эпохи Ренессанса — таким многогранным был его творческий гений.

Автор книги Валентина Чемберджи, знавшая Святослава Теофиловича многие годы, зафиксировала время, прямая речь Маэстро звучит со страниц книги...

Современники Рихтера хорошо знали, что книги о нем не выходят, так как кажутся ему велемечивыми и далекими от сути. Эту рукопись Рихтер одобрил и на ее странице написал: «Хочу, чтобы было так. Спасибо. Святослав Рихтер»...

УДК 786.2.071 Рихтер С.Т.

ББК 85.315.3

© В.Н. Чемберджи, текст, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017
© Ullstein Bild / Vostock Photo
© TopFoto / Vostock Photo

ISBN 978-5-17-101111-6

В его черепе, напоминающем купола Браманте и Микеланджело, вся музыка, вся прекрасная музыка покоится, как младенец на руках Рафаэлевской мадонны...

Г. Г. Нейгауз

ОТ АВТОРА

Время в объятиях мнимого и подлинного прогресса летит всё быстрее. Все скорее оказываются в небытии вчерашние кумиры. Все больше раздается самых искренних сетований на гибель культуры. Первое августа 1997 года — день смерти Святослава Рихтера — отделяют от нас всего пара десятилетий. Диски выходят, книги пишут, но героя уже нет с нами. Мы не слышим его на сцене, мы потеряли его — живого. Он остался в ряду титанов прошлого века, монументальный и непоколебимый, как его коллеги — классики, причисленные к элите русской и мировой культуры.

Как бы ни делить эту книгу — на главы, части или темы (их много: музыка, литература, живопись, архитектура, кино, театр, дружба, любовь, этика, эстетика и т. д.), — самое главное в ней состоит в том, что мы слышим один большой **монолог** Рихтера, целиком записанный с его слов за годы общения, живем в ритме его жизни.

Разбросанные по многочисленным сферам нашего существования суждения Святослава Рихтера продолжают вызывать жгучую страсть к познанию истины в жизни и искусстве.

Прямая речь звучит во всех главах, будь то первое путешествие Маэстро по Сибири или второе, не менее гран-

диозное турне по Азии, интервью «Врываясь в мировой оркестр», или картины, сны и воспоминания о детстве, которые продиктовал автору С. Т. Рихтер.

Каждой главе предпослана история ее появления.

Наряду с «Воспоминаниями о детстве» и «Фрагментами второго путешествия» впервые публикуются также и адресованные мне письма С. Т. Рихтера и Н. Л. Дорлиак.

В 1986 году в читинской гостинице я, отчаянно робея, осипшим голосом читала свои записи о первом путешествии сидевшему в кресле Святославу Теофиловичу. (Современники С. Т. Рихтера хорошо знали, что книги о нем не выходили, так как казались ему велеречивыми и далекими от сути, наборы рассыпались, а интервью не появлялись.)

Рихтер одобрил рукопись и на ее странице написал: «Хочу, чтобы было так. Спасибо. Святослав Рихтер».

В настоящем издании книга о первом транссибирском путешествии, переведенная на многие европейские языки, в большой степени расширена и дополнена описанием концертов Святослава Рихтера в Европе и России, предшествующих тем, на которых мне довелось побывать.

(Пояснение для читателей: Рихтер не любил, чтобы его называли «Святослав Теофилович». Он был окружен близкими людьми, и они называли его «Слава». Во время первого чтения моей рукописи Рихтер высказал пожелание, чтобы в книге он был С.Т., но в журнале «Советская музыка», где текст был напечатан впервые¹, так же как и в последовавшем издании², такое сокращение из самых хороших побуждений сочли неуважительным. Думаю, читателя не огорчит, если теперь я вернусь к нему согласно пожеланию Рихтера.)

---

¹ «Советская музыка», 1987, № 4—6.

² «В путешествии со Святославом Рихтером». М., РИК «Культура». 1993.

Глава первая В ПУТЕШЕСТВИИ СО СВЯТОСЛАВОМ РИХТЕРОМ

*Следовать за мыслями
великого человека есть наука
самая занимательная.*

*А. С. Пушкин.
Арап Петра Великого*

Предисловие к изданию 1993 года

«Путевые записи», предлагаемые читателю, появились на свет не как дерзкая попытка написать страницы, посвященные Святославу Рихтеру (на что трудно было бы осмелиться), но как непосредственный отзвук шквала обрушившихся на меня впечатлений при соприкосновении с Рихтером — человеком. Приоткрывшийся мне мир изумил и заставил с максимальной точностью описывать каждый день, проведенный со Святославом Теофиловичем и в Звенигороде, и в Москве, и, конечно, во время грандиозных «трансроссийских» — «транссибирских», с запада на восток и с востока на запад гастрольных поездок — путешествий Святослава Рихтера.

Постоянное изумление — вот что водило моей рукой.

* * *

1982 год. Звенигород. Знойный августовский день. Безлюдная деревенская улица в Верхнем Посаде — окраине Звенигорода по другую сторону Москвы-реки. Пыльная проселочная дорога. Занавешенная наглухо терраса нашего дома. Сделав в материи узкую, в палец шириной, щель, время от времени мы выглядываем через нее на улицу, потому что известно (хоть и не верится): скоро по ней должен пройти Рих-

тер. Пешком с Николиной Горы (больше двадцати километров) он придет на концерт нашего фестиваля «Музыкальные собрания в Верхнем Посаде».

Рассказ об этом фестивале, который проводился восемь лет подряд с участием крупнейших музыкантов нашего времени, в том числе и Святослава Рихтера, — это особая тема, заслуживающая подробного описания.

И действительно, около четырех часов дня на нашей улице появляется Рихтер. Массивная фигура, стремительный, подвернув брюки, босиком, он скорыми шагами проходит мимо нашего дома. Мы испуганно отскакиваем от окна, будто он может увидеть нас, подглядывающих, хотя это невозможно, — да он и не смотрит по сторонам. Как сейчас вижу его великолепную голову в профиль, распахнутую на груди рубашку, целеустремленный марш к дому, который снимают на лето Наталия Гутман и Олег Каган. Увидеть Рихтера вблизи, на нашей деревенской улице, казалось не вполне правдоподобным.

Снова едва раздвигаем занавески: фигура быстро удаляется, уже далеко, уже на повороте к дому Олега и Наташи.

В тот день Рихтер впервые пришел в Верхний Посад. Наталии Гутман предстояло за два вечера-концерта исполнить шесть сюит Иоганна Себастьяна Баха для виолончели соло. Надо сказать, все музыканты, выступавшие в Верхнем Посаде, признавались, что волновались не меньше, чем в Москве, Ленинграде, Париже или Лондоне, а может быть, и больше. Публика достаточно своеобразная: состоит, с одной стороны, из наших дачных «хозяев» с родственниками и друзьями, а с другой — из первоклассных музыкантов и, конечно, всех наших детей. Но когда среди слушателей находится Святослав Рихтер...

В «зал» была превращена одна из комнат небольшого, но добротного деревенского дома, где жили Олег и Наташа.

Вся дачная утварь распахана по другим комнатам, на входной двери висит сводная афиша всего фестиваля с постоянной его эмблемой — башней Саввино-Сторожевского монастыря в зелени деревьев, в «зал» снесены все сиденья, табуретки, узкие скамейки и в нескольких местах поставлены три вполне комфортабельных кресла в надежде, что в одно из них сядет Святослав Теофилович. Наташа и Олег предупреждали нас о его необычайной скромности и сами не особенно верили в то, что Рихтер воспользуется креслом; однако действительность превзошла все ожидания. В самом углу комнаты-зала, у дальней стенки осталась стоять никелированная кровать с шпешечками, которую просто некуда было выставить. Рихтер сел на спинку этой кровати. Именно на этой узкой спинке Святослав Теофилович прослушал все три сюиты.

Зал постепенно заполнялся слушателями с подробными программками в руках. Все старательно делали вид, что в присутствии на концерте Святослава Рихтера нет ничего из ряда вон выходящего.

В концертном платье вышла с виолончелью Наталия Гутман и исполнила три сюиты Баха. Как выяснилось впоследствии, Наталия Гутман, как и всегда, была собою недовольна, но мы, все слушатели, были захвачены ее игрой. После концерта публика в торжественном молчании разошлась по домам, а Наташа и Олег остались с Маэстро, чтобы поговорить и выслушать его замечания.

На другой день был запланирован второй концерт (еще три сюиты Баха), но Наташа была недовольна «акустикой». Подумали, что акустика в «зале» нашего дома может быть лучше. Но как сообщить об этом Святославу Теофиловичу? Наши дома стоят на расстоянии не более пятидесяти метров друг от друга, так что дело совсем не в тех нескольких шагах, которые надо проделать, чтобы перейти из «зала» на Садовой в «зал» на Зареченском, — дело в том, что это выгляде-

ло бы **несерьезно**... То в одном зале, то в другом, да еще не в том, который указан на афише... Выход был найден следующий: в соответствующем стиле написали объявление, что в зале на Садовой «ремонт», и для пущей верности на слове «ремонт» нарисовали отпечаток сапога, перепачканного известкой; объявление выглядело натурально и во всяком случае убедило Святослава Теофиловича в том, что существует веская причина для перехода в другой «зал».

Так впервые Святослав Теофилович пришел в наш дом не в качестве гостя, но в качестве слушателя концерта. Он сел, благо у нас не было кровати с шишечками, в последнем ряду и аплодисментами встретил вышедшую играть Наташу. Как ни странно, но Наташа оказалась права, и крошечная комната, ставшая теперь сценой, переходящей в зал, оказалась для деревенских условий акустически превосходной. Концерт прошел с огромным успехом. Святослав Теофилович остался очень доволен и Наташей (которую всегда называет музыкантом «экстракласса»), и уровнем, на котором проходил наш фестиваль, без **халтуры**.

Как потом выяснилось, он запомнил многих из нас и даже обозначил со свойственной ему образностью мышления: мальчик с картины Ренуара, Жорж Санд, Шехерезада и т. д.

В 1983 году Святослав Теофилович и сам принял участие в фестивале «Музыкальные собрания в Верхнем Посаде». На этот раз фестиваль проходил в здании Звенигородской музыкальной школы. Ее директор, Виктор Николаевич Егоров, все учителя школы были увлечены нашей деятельностью, почувствовали атмосферу происходящего и с 1983 года стали настоящими друзьями этого фестиваля, обеспечивая все условия для работы, предоставляя возможность всем участникам заниматься (несмотря на то, что фестиваль проходил обычно в августе, в каникулярное время), школа же, в свою очередь,

полюбилась Рихтеру. Она стоит в живописном уголке Звенигорода над рекой и помещается в старинном бревенчатом доме с резными наличниками и карнизами.

Концерты пришлось перенести в школу еще и потому, что публика уже никак не помещалась в наших «залах», — она не помещалась теперь и в школе, на концерты стали приходиться не только жители Верхнего Посада и Звенигорода, но приезжало много слушателей из Москвы. Стояли и слушали и в дверях, и в школьном дворе.

Выходят на сцену Наталия Гутман, Олег Каган и Святослав Рихтер. Раздаются первые звуки Трио Сезара Франка. Все замирают, трио превращается в квартет — вместе с благоговейной тишиной. Во втором отделении исполнялось Трио Мориса Равеля.

Помню, как школьные учителя говорили потом, что так и не могли до конца поверить в происходящее. «Как сон». Я же со своей стороны должна признаться, что исполнение этих сочинений в скромном зале Звенигородской школы подействовало с не меньшей силой, чем в Рахманиновском зале или в Большом зале консерватории, где музыканты исполняли его впоследствии. Под сильнейшим впечатлением прохожу в комнату за сценой, и Святослав Теофилович после сердечного приветствия с неподдельным волнением спрашивает:

— Ну как? Получилось хоть немного? Как музыка?

После концерта собрались с Наташей, Олегом, Святославом Теофиловичем, много говорили о литературе, русских операх, кино. Тогда же, помню, С.Т. попросил меня сделать маленький перевод с латинского языка: список исключений из правила, заданный детям, действующим лицам оперы Бенджамина Бриттена «Поворот винта». Готовились «Декабрьские вечера» 1984 года, на которых Рихтер собирался поставить эту оперу.

Так началось общение со Святославом Рихтером, имевшее для меня счастливое продолжение.

Многое из сказанного Святославом Теофиловичем может показаться неожиданным, но это как раз и есть, с одной стороны, отражение его индивидуальности и чистоты мысли, а с другой стороны, — перед читателем всего лишь путевые записи по следам обычных разговоров, а не беседы, которые велись для вечности.

И все же... все же... Никогда мне не пришло бы в голову публиковать свои впечатления, если бы не Олег Каган, любимый друг Святослава Теофиловича, любимый наш друг.

Олег Каган — изумительный скрипач — вечный праздник и вечная боль нашей жизни.

Именно он уговорил меня сделать это.

Из путевых записей

В моей поездке нет ничего удивительного...

Святослав Рихтер

В жизни Святослава Рихтера достойно описания все — и день, и месяц, и год. Однако 1986 год стал исключительным даже для него. Никогда раньше гастроли Рихтера не обрели столь грандиозного размаха, никогда он не давал более ста двадцати концертов в год. В 1986 году он дал сто пятьдесят концертов.

В его исполнении звучали пять сонат Гайдна, Двадцать восьмая соната, два Рондо и Вариации на тему Диабелли Бетховена, Первая и Вторая сонаты Брамса, *Nachtstücke*, *Blumenstück*, этюды на тему каприсов Паганини, Марш, фуги и Токката Шумана, четыре баллады, двенадцать этюдов (из ор. 10 и 25) и три посмертных этюда Шопена.

Поездка по нашей стране (ей предшествовали гастроли в Европе) началась в июле. Перечень городов (боюсь, не совсем полный), в которых побывал, играл, и часто не один

раз, Святослав Рихтер, красноречивее слов: Новгород, Псков, Великие Луки, Наумово, Ржев, Калинин, Орехово-Зуево, Лакинский, Владимир, Брежнев, Уфа, Челябинск, Курган, Петропавловск в Казахстане, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск. Из Хабаровска перелет в Японию, где состоялись одиннадцать сольных концертов Рихтера, а также его выступления с Наталией Гутман (сонаты Шопена и Дебюсси), Олегом Каганом (сонаты Грига, Брамса, Равеля) и Юрием Башметом (сочинения Хиндемита, Бриттена, Шостаковича).

24 октября Святослав Рихтер возвратился из Японии в Хабаровск, и начался обратный путь, с востока на запад.

С картой в руках Святослав Теофилович составил маршрут, синим фломастером крупными буквами написал на толстом картоне названия городов и положил его в портфель, который всегда возил с собой. Намеченный им путь был проделан почти без изменений. Вот эти города: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Новый Ургал, Чегдомын, Кульдур, Благовещенск, Белогорск, Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Тайшет, Красноярск, Абакан, Саяногорск, Шушенское, Новокузнецк, Кемерово, Барнаул, Рубцовск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, Караганда, Целиноград, Кокчетав, Кустанай, Уральск, Петропавловск в Казахстане, Магнитогорск, Саратов.

Рихтер вернулся в Москву 14 декабря 1986 года в разгар «Декабрьских вечеров», идея которых — соединить музыку Чайковского с живописью Левитана — и на этот раз принадлежала ему.

— Почему столько городов и именно эти? — спросила я.

— Потому что я еще не играл в них, — ответил Святослав Теофилович. — Мне хочется, очень хочется посмотреть страну. Вы знаете, я заглянул в книгу о Листе, не очень ин-

тересную, не такую уж хорошую, Галя¹ и там вдруг прочитал, что он в какой-то момент своей жизни тоже стал ездить по всем городам, беспрерывно, как я... Вы знаете, что меня влечет? Географический интерес. Не «охота к перемене мест», а именно это. Вообще, я не люблю засиживаться на одном месте, нигде... В моей поездке нет ничего удивительного, никакого подвига, это просто мое желание. Мне интересно, в этом есть движение. География, новые созвучия, новые впечатления — это тоже своего рода искусство. Конечно, география имеет прямое отношение к искусству, — ведь всюду, например, участвует архитектура. Вообще все можно связать с искусством (кроме, может быть, медицины, а?). Архитектура, красота природы — разве это не искусство? Поэтому я счастлив, когда покидаю какое-то место и дальше будет что-то новое. Иначе неинтересно жить.

Невольно вспоминается поездка на Сахалин Антона Павловича Чехова. Иван Бунин в своем очерке «Чехов» написал: «На Сахалин Чехов поехал потому, что его интересовал Сахалин...»²

Рихтер мечтал проделать весь путь на машине, но после Петропавловска в Казахстане дороги оказались в иных местах непроезжими, и пришлось сменить машину на поезд, а потом и на самолет. Святослав Теофилович пригласил меня провести с ним часть пути с запада на восток, а через два месяца — и с востока на запад. В путевых записях мне хотелось без комментариев, по возможности точно и детально воспроизвести каждый из дней.

---

¹ Ганс Галь — австрийский музыковед и композитор. (Отсюда и далее все примечания автора.)

² И. А. Бунин. «Окаянные дни. Воспоминания. Статьи». М., 1990. С. 222.

Третье сентября. Красноярск

Вечером этого дня я прилетела в Красноярск. Сибирь, еду к Рихтеру, и это не сон! Огромные пространства, холмы, леса, зеленые равнины — все как будто знакомое, но отнесенное друг от друга на громадные расстояния, производит совсем особенное впечатление. Другие земли.

Красноярск — это двадцать девятый город в СССР на пути Рихтера. По дороге из аэропорта мне рассказали, что концерт в Красноярске накануне прошел с невероятным успехом, что билеты исчезли в мгновение ока, что Святослав Теофилович занимается каждый день по пять-шесть часов, а вечером дает концерт, причем играет не в Большом зале Красноярской филармонии, а в Малом, где ему очень понравилось. Сегодня — второй концерт в Красноярске, но на него уже не успеть, поэтому меня отвезут прямо в гостиницу.

Едва я разложила вещи, как меня позвали к Святославу Теофиловичу. Я вошла в номер, и с этого момента все последующее представляется мне непрерывной цепью событий, среди которых не было незначительных, — все выстраивалось в ряд явлений, возвышающихся над обычной жизнью, сделавшейся вдруг настолько насыщенной, что каждый день легко мог бы стать и неделей.

Святослав Теофилович встретил меня очень приветливо:

— Плакат был? Вы его сразу заметили? Хорошо написали, красиво?

(Когда я вышла из здания аэропорта, то минут двадцать простояла рядом с машиной, на ветровом стекле которой был прикреплен плакат, написанный огромными красными буквами. Скользя по нему взглядом, я продолжала ждать, пока не услышала любезный вопрос, не ко мне ли относятся слова плаката, — я посмотрела и ахнула: аршинными буквами было написано: «Валентину Чемберджи с радостью встреча-